

Александр Грин

Проходной двор

Александр Степанович Грин

Проходной двор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271052

Аннотация

Будни извозчика.

Содержание

I	4
II	6

Александр Степанович Грин Проходной двор

I

Извозчик Степан Рошин выехал к Николаевскому вокзалу в семь часов утра, встал от подъезда девятым и стал ждать. Сначала, как это всегда бывает перед приходом поезда, подъезд был пуст. Потом, вслед за первой же вынесенной артельщиком картонкой, запрыгали вниз со спин носильщиков тяжелые чемоданы, ящики, портпледы; извозчики засустились, бодря лошадей и выкрикивая:

– Вот сюда, недорого свезу, пожалуйста.

Рошину как не повезло при выезде из извозничьего трактира «Пильна», когда он, стукнувшись задним колесом о тумбу, повредил ось и пришлось чинить ее, потеряв час, – так и теперь не повезло. Вокруг него, подпрыгивая в колясках, один за другим ехали в гущу городских улиц обложившиеся вещами приехавшие господа, а с той стороны подъезда, где стоял он, извозчиков брали все время так капризно и туго, что разъезд стал редеть, а Рошин все еще стоял третьим по очереди. Подходили не в очередь и к нему, да все

шантрапа нестоящая: один рядил в Гавань за рубль и, сторговавшись, полез в кошелек, после чего сказал, рассмотрев деньги:

– Нет, восемь гривен, больше не дам.

Роцин вспылил, но промолчал; ругаться не позволяют, и, кроме того, городовые номер записывают, а после в участке нагайкой, а то штраф или номерную жестянку отберут.

Этот восьмигривенный отошел, носильщик, бросив Роцину на сиденье чемодан какого-то старика в крылатке, уже сказал адрес, но ничего не вышло, барин другого нанял, и чемодан сняли. А два раза было так, что Роцин сам заупрямился, не хотел дешево ехать, потом слышал, как другим те же господа больше дали, уселись и покатили.

Роцин был извозчик невидный, непредставительный, сутуловатый, с красными от болезни глазами, сидел он на козлах как-то не крепко, горбом, и лошадь у него была пегая, маленькая, мохноногая, грязная, с большой головой на тощей шее; словом, прохожий, видя Роцина в тылу какого-нибудь орловского или ярославского парня, с глазами навывкате и крутой грудью, думал: «Старый хрен, повезет плохо да еще ворчать будет, возьму пригожего Ваньку». По этому ли всему или потому, что неудачливые дни бывают у всякого человека, Роцин от вокзала поехал порожняком. «На Знаменской стать, – подумал Роцин, – или еще туда на Фурштатскую или Шпалерную, трамвай не грохотнет, нет-нет, да и клюнет какой, не все господская шантрапа».

II

Постояв на углах и у подъездов попроще, откуда не гоняли швейцары, Рошин, вздохнув, тронул к Летнему саду. У Рошина вчера была неполная выручка, своих сорок копеек доложить хозяину пришлось, так что сегодня рубля четыре непременно добыть было бы надо.

«Незадача», – подумал Рошин, когда в пятый, шестой раз барин из «самостоятельных», пройдя мимо Степана, взял поодаль стоящего извозчика по набережной, меж поплавром и Летним.

Все время мчались извозчики; окидывая привычным взглядом восседающих в колясках господ, Рошин механически отмечал про себя: «Этот – сорок копеек, с бородой – шесть гривен, девчонка – за двадцать».

Солнце поднялось выше, наряднее, гуще и суетливее пошла уличная толпа, стало пыльно и жарко, а за Невой, в крепости, прозвонили куранты.

«Никак десять, – вздохнул Рошин, – и никогда же не бывало такого, господи упаси».

Прислушавшись, стал он считать и насчитал одиннадцать колокольных ударов.

– Одиннадцать, – сказал Рошин, почесывая затылок, – копейки не заработал.

Досадливое, томительное беспокойство овладело им.

Оглядываясь по сторонам и с ненавистью конкурента сплевывая вслед фыркающим щеголеватым моторам, Роцин, степенно похлестывая лошадь, выехал к Марсову полю, обогнул его, свернул на Моховую, остановился и, загнув полу армяка, вытащил шерстяной кисет.

– Вот, – пробормотал он, закуривая, – какие дела, без почина.

Студент шел по тротуару, зевая и щурясь. Роцин спохватился, удачная от неудач мысль пришла ему в голову:

– Садитесь, ваше степенство, – сказал он, – вот проведу.

– Денег нет.

– А без денег. Для почину, куда прикажете.

– Нет, не хочу, – подумав и уходя сказал студент, – некуда торопиться.

«Черт, вот черт, – подумал Роцин, – известно, с амбицией».

Он стал размышлять о сущности и естестве жизни господской. А господ видел Роцин на своем веку много, во всем городе, почитай, половина господ, и никак ума не приложишь, чем эти господа существуют. Конечно, банки, конторы, присутственные места и все такое, там эти господа и сидят. С другой же стороны, господ как будто несоизмеримое множество. Одет в сюртучок, манишку, сапоги чищены и взгляд строгий – господин, иначе не назовешь, а чем он промышляет...

– И вот сколько в Питере бар, – сказал Роцин, – так и во

все конторы не втиснешь, ан, втиснешь. Нет, не упоместятся, – сказал, вздохнув, он, – а чем живут, поди же ты, все господа...

Через полчаса затосковал Роцин о седоке так крепко, что дернул со злости вожжами, и лошадь, испуганно вздрогнув всем телом, стала грызть удила.

– Извозчик! – крикнули с тротуара.

– Я-с... вот-с, – стремительно отозвался Роцин, перегибаясь с козел, и даже просиял: перед ним, одетый с иголки, молодой, краснощекий здоровяк-барин помахивал нетерпеливо тросточкой.

– По часам, – сказал барин, – согласен?

– Хорошо-с, рублик-с, – угодливо сказал Роцин, – а долго прикажете ездить?

– Там увидим.

Барин вскочил, уселся и закричал:

– Ну, пошел живо на Сергиевскую.

Роцин снял шапку, торопливо перекрестился, дернул вожжами, и в тот же момент пушечный гулкий удар раскатился над городом.

«Двенадцать, – подумал Роцин, – только бы сидел, да ездил, а пятерку я выстребую».

Седок был человек молодой, здоровый, с высоким лбом, безусый, с серыми, близорукими, часто мигающими глазами.

На Сергиевской остановились чуть-чуть; барин подбежал к швейцару и спросил что-то, на что, высокомерно дернув

вверх головой, швейцар сказал:

– Никак нет-с. Выехали.

– А куда?

– Это нам неизвестно.

– Но, поймите же... – начал седок и вдруг, как бы спохватившись, отошел, вытирая платком лоб.

«Нет, поездишь», – подумал Рощин.

Седок стоял на тротуаре, опутив голову, затем сел.

– Невский, угол Морской, – сказал он в раздумьи и тотчас же крикнул: – Нет-нет, пошел на Лиговку, да живее, смотри, номер двести тридцатый!

«Эка хватил», – подумал Рощин, послушно завернул и помчался. Отстоявшаяся лошадь бежала бойко, но по часам торопиться невыгодно, и Степан пустил ее коночным шагом.

– Извозчик, живее! – крикнул за спиною Рощина барин.

Рощин прибавил рыси. Через полчаса подъехали к месту, барин, соскочив на ходу, скрылся в подъезде и вышел минут через десять сердитый, злым голосом говоря:

– Гороховая, 16.

С Гороховой же заехали еще неподалеку – на Офицерскую, Вознесенский, и везде барин проводил времени пять – десять минут, выходя все более усталый и бледный, и уже не торопил Рощина, а спокойно говорил:

– Извозчик, поезжай теперь туда и туда.

К трем остановились у Английской набережной, и седок не выходил с полчаса. Кроме Рощина, у подъезда стояли еще

извозчики, один знакомый, Сидоров. Сидоров спросил:

– Кого возишь?

– А кто знает, сел по часам, рубль за час.

– Давно?

– Трешку наездил.

– А не удерет? – зевнул Сидоров. – Намедни возил я одного шарлатана, бродягу, да у Пяти Углов его и след простыл, из магазина выскочил, я и не видал, когда.

– Ну, – сказал Роцин, – видать, ведь... – Прибавил: – А черт его знает.

Поддаваясь невольному беспокойству, он стал смотреть на ворота, не выйдет ли седок в ворота с целью удрать, но в этот момент он вышел из подъезда и, по рассеянности, стал садиться на другого извозчика.

– Сюда, сюда, барин! – крикнул Роцин. – Куда ехать?

– Куда ехать, – повторил седок.

Роцин передернул плечами и усмехнулся: чудной барин.

– Ты поезжай шагом, – торопливо заговорил седок, – тихонько поезжай, я тебе скажу.

– Слушаюсь, – лениво и уже с оттенком пренебрежения ответил Роцин.

Он проехал три фонарных столба, думая: «А кого посадил? Попросить бы расчёту, да в сторону, вдруг удерет? Лошадь запылилась и самому чаю охота». Но, подумав так, вспомнил, что два целковых еще взять хорошо. Было в унылом лице седока, в нерешительных движениях его и в голосе

что-то возбуждающее сомнение. Много таких есть, ездят, а за деньгами потом на другой день просят приехать.

– Что же теперь будет? – тихо, говоря, по-видимому, сам с собой, неожиданно сказал седок. – Да... – прибавил он и замолчал.

Рощин подозрительно оглянулся.

– Это насчет чего? – спросил он. – Адрес изволите?

Седок не ответил, он вдруг выскочил из коляски и бросился стремглав к тротуару. Рощин замер от удивления, барин же остановил какую-то барышню из молодых, стал трясти ей руку и заговорил, а она поспешно отошла от него, вскрикнув, тяжело дыша и блестя глазами. Рощин подъехал шажком ближе, но уже ничего не услышал, разговор кончился. Барышня, не оглядываясь, поспешно шла вперед, а седок, махнув рукой, остался стоять. Наконец, повернулся он к Рощину разгоревшимся лицом и стал улыбаться, смотря прямо извозчику в глаза так, как слепые улыбаются наугад, – в какую попало сторону.

«То ли пьян, то ли как не в своем уме», – подумал Рощин и, закрихтев, сказал:

– Ехать изволите?

– Да, – стремительно ответил барин, сел и, поворочавшись беспокойно, сказал:

– Ты вот что... да... на Караванную. Ты не торопись.

«Этот конец доеду, – подумал Рощин. – Рубля четыре вымотаю. Удерет он, сердце у меня за него болит. За деньги

свои вроде как он заездился. Пушай пока что».

Лошадь трусила мелко, понурясь, Роцин вздремнул. За спиной было тихо, седок больше не проронил ни слова, только на углу Невского сказал:

– Куда ты? Направо держи.

Роцин очнулся. Сверкнул раскаленный, жаркий Невский. Белые карнизы окон бросали скудную тень. Взад и вперед мчались извозчики, и в лице каждого седока Роцин читал: полтинник, тридцать, четвертак, рубль.

– Вот и приехали, – глухо, как бы присмирив весь, сказал седок. Он слез, медленно говоря:

– Ты подожди, я, может, еще поеду.

– А деньги, барин, коли не поедете? – беспокойно спросил Роцин. – Четыре рублика.

– Да, деньги.

Барин полез в карман, порылся в кошельке, и Роцин заметил, что он еле приметно покачал головой.

– Сейчас, может быть... – Седок быстро повернулся и зашел в магазин.

«Не удерет, – подумал Роцин, – из магазина-то как», – и, покосившись на ворота, у которых остановился, вспомнил, что это и есть тот самый проходной двор, куда месяц тому назад скрылся господин, по виду вполне порядочный. Снова тревога овладела извозчиком. «Да ведь не во двор зашел, – успокаивал он себя, – из магазина сквозь стену не пролезешь!»

Рощин закурил, вспоминая прежние удачные дни и мечтая о будущих.

«Вот хорошо провезти рублика за два с барышней на стрелку, а оттуда в ресторанчик да за простой – рубль, да махнуть в „Аквариум“ или „Олимпию“, а поутру на тони. И все бы так подряд, до утра. Десятка уж тут как тут». Вспомнились ему швыряющие деньгами пьяные котелки, манишки грудастые, пальцы с перстнями. «Это все есть, не уйдет». Рощин повеселел, выпрямился и вдруг увидел, как из магазина, куда зашел седок, выскочил, махая руками, приказчик, тут же собралась кучка народа и, расправляя усы, устремился к магазину городской.

Рощин не успел тронуть вожжами, чтобы подъехать и расспросить в чем дело, как из толпы закричали:

– Извозчик!

Недоуменно мигая, приблизился он к толпе и остановился.

– В больницу повезешь. Эй, – крикнул городской, пятясь задом, и что-то с усилием вынес из дверей; ему помогал приказчик.

Рощин вздрогнул, похолодел и перекрестился. На руках приказчика и городского висел, согнувшись, повернув набок окровавленное лицо, седок.

– Тут же леворвер купил, – сочувственно сказал дворник на вопрос любопытного прохожего, – оружейный магазин это.

– Господин городской... – затосковав, сказал Роцин, – а кто мне деньги – четыре я рубля выездил, пропадут, што ль? А за больницу-то?

– Ты поразговаривай, – мстительно прошипел городской, – я тебе дам, – и, повернувшись к толпе, крикнул:

– Расходись, чего не видали!

В коляску, торопясь, укладывали мертвого седока; обхватив труп рукой, сел полицейский, сказав неизвестно кому:

– Череп навывлет, тут доктора известные – гроб да земля.

Еще не опомнившийся от случившегося, Роцин машинально дернул вожжами, бормоча вполголоса:

– В больнице продержут, пропал день; барина, оно, конечно, жалко, да своя ближе рубашка к телу, ужо просить буду, чтоб обыскали, деньги пускай дадут. Подождал бы стреляться-то, – сказал он, подумав, – или на леворверт денег тебе не хватило?

И, озлясь, больно стегнул лошадь.